

И, потеряв тебя, пойму тогда,
Что прочие невзгоды — ерунда¹.
Шекспир. *Сонеты*.

¹ У. Шекспир, сонет 90. Пер. А. Загаевского.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А, Б... А..? Б..? Introitus	20
А1 Сеньорита, вижу, эта картина вам нравится	44
Б1 Это вы мне?	67
А2 Если звучал Паркер	92
Б2 Глубокий, как корень	106
А3 Страна скуки	124
Б3 Что мы имеем в виду, когда говорим, что хотим покончить с собой	139
А4 Учебник подлинного харизматика	158
Б4 Что говорят люди	173
А5 Музы и контрмузы	190
Б5 День дотянуть	199
А6 Открытая дверь	210
Б6 Безутешные	222
А7 Единственное, что мы уносим в могилу	235
Б7 Небо кобальтового цвета	250
А8 На катке в центральном парке	260
Б8 Она здесь	279
А9 Вторжение чудовища	295
Б9 Нопаль, Посоле и Эскамолес	311
А10 Последнее лето	323
Б10 Овощи	334
А, Б... И прочие буквы алфавита	342

А, Б... А...? Б...?

INTROITUS¹

Уже и не помню, как было до знакомства с Ним. Помню только, что я ходила туда-сюда с яйцами в поисках места, где могла бы сохранить их все: мне была ненавистна сама идея класть их по разным местам, разделять их. Всё в одной корзине — вот чего я хотела. Ещё знаю, что, когда, после непростого опыта воспитания чувств, познакомилась с Кометой, я наконец достигла этой главной цели. Главной Цели. Волнение, тепло, здравый смысл, нежность, уют... Заговорщический дух и азарт спорщика. Страсть и сострадание... Покой домашнего очага и волнующие приключения — всё в одном взгляде. Настоящая дружба и первобытный эрос — всё под одним кровом. Знойные звёздные ночи, чтение на диване, дымящаяся рядом трубка — всё на одной сцене. Летние грозы и тихий туман — всё на одном холсте. Мне

¹ Приступ (*лат.*) — термин риторики, обозначающий начало речи с целью привлечения внимания.

не надо было никуда ходить, не надо. Зачем? Не было повода. Да и некуда. Ведь всё находилось там, в небольшом пространстве, всё под рукой.

В общем-то, я рассказываю про корзину с яйцами, потому что мои романтические фантазии всегда были связаны с домом. Во мне ещё жила атавизмом тоска по живой земле, и меня не изнежил космополитический смог большого города, тем более после шестнадцати лет, прожитых с Кометой. Был жив и образ девушки, которая несёт яйца в подоле и ищет корзину, чтобы их положить, очень незамысловатый. И очень мой. Я отлично помню, откуда он взялся. Мне было, наверно, лет десять, и каждое мамино возвращение домой таило в себе нечто особенное. Не то чтобы в её жизни происходило много важных событий. Но всему, что с ней происходило, она придавала большое значение. От этого мама становилась неутомимой рассказчицей; она торжественно появлялась в доме, произнося с порога какую-нибудь вступительную фразу, которая произвольно вызывала в моём воображении яркий образ. «Никогда не клади все яйца в одну корзину», — изрекла она однажды вечером, придя с работы. Судя по всему, утром мама говорила с директором своего банка, точнее, со *своим* директором банка, о том, как лучше хранить сбережения. И он посоветовал не хранить всё в одном месте. Это не было для неё ни ново, ни особо оригинально, но начальник так сказал эти незатейливые и понятные слова, что всё сразу стало ясно. Ведь, как

известно, иногда то, что мы представляем себе смутно, внезапно проясняется, когда кто-то выразит это одной ёмкой фразой.

Та фраза совершенно убедила маму, и эту убеждённость она старалась передать мне. Но не тут-то было. Поскольку она обрушивала на меня поток безапелляционных суждений и была облечена неоспоримым авторитетом, я, из духа противоречия, мгновенно истолковывала их с точностью до наоборот. И у меня в памяти отпечатался образ, вызванный этими словами. Я увидела себя, лет девяти-десяти, сколько мне, наверно, тогда и было, гуляющей по дивному лугу, усеянному полевыми цветами, что-то напевая, я несла яйца в подоле и искала, куда бы положить их *все*. А вот слова «банк», «сбережения» и «разделять яйца» ни о чём мне не говорили. Сельский пейзаж и девочка, которая в нерешительности бредёт по лесам и полям с драгоценными яйцами в подоле, привлекали меня куда больше. Она представлялась мне молочницей-фантазёркой с кувшином на голове, но не той ловкой торговкой из сказки, мечтающей о приумножении доходов. Моей не было никакого дела до всего, что касается денег, нет-нет...

...Внутри каждого из яиц таилась целая вселенная, состоящая из одних страстей, из желаний, так или иначе связанных с любовью, да, с любовью. Состояться в любви — единственный ключ к счастью — в этом и заключался главный вызов. В то время для большин-

ства моих сверстниц основным вызовом была карьера, они мечтали стать учёными и работать в НАСА, или стать прокурорами Верховного Суда, или ещё кем-нибудь в том же духе, а если кто и задавался целью выйти замуж, то не ради вечной любви, а чтобы основать предприятие «дом-дети», то бишь начать жить с женщиной и тут же забыть о мужчине ради дома и потомства или ради физики и химии. Но я-то хотела пережить Абсолютную Любовь, любовь самодостаточную: трудную, насыщенную, сложную, любовь, кроме которой ничего не нужно. Потому что в ней — всё. В одной корзине: физика и химия, музыка и логика, быт и Бытие. И речи не могло быть о том, чтобы исхитриться и разделять мой любовный капитал: я должна была найти удовлетворение всех своих многочисленных и взыскательных потребностей в одном и том же человеке, и отдать всё ему одному. Я хотела найти всё в одном существе, в одном прибежище, в одной укрывице. Должно было быть только так, или вообще никак.

Корзину я нашла весной 1987 года, а осенью 2003-го всё вдребезги разбилось. Никто из нас не готов к внезапному взрыву *всех яиц*, если только не было обратного счёта. С другой стороны, не так уж часто их хранят в одном месте: масса людей осмотрительно следует советам директоров банков во всех сферах жизни; возможно, я и сама буду так поступать отныне. Вот скажем, можно

быть без ума от поэта, каждый вечер пленяющего стихами толпу восторженных девиц, но вовсе необязательно выходить за него замуж. Можно пойти его послушать, а потом снова спать со своим парнем, которого интересуют только бухгалтерские счета и чёрная магия. А если ты запала на скрипача, то совсем не обязательно тащить его в постель, делать отцом своих детей и ставить к плите стряпать *мармитако*¹. А если, например, тебя покорила какой-нибудь гениальный шеф-повар, то не надо вести с ним содержательные беседы об упадке культуры; не всегда тот, кого боготворишь как учителя, должен становиться твоим любовником, отцом, другом, защитником, критиком и товарищем.

К счастью, чтобы общество выжило, разумных людей не обязательно должен очаровывать, пленять, кормить, развлекать, баюкать, наставлять и постоянно сопровождать один единственный человек, который умеет всё. У них есть повара, чтобы готовить, скрипачи, чтобы ходить на их концерты, поэты, чтобы читать стихи, юмористы, чтобы смешить, любовники, чтобы заниматься сексом, психотерапевты, чтобы изливать им душу, и супруги, чтобы было с кем жить и проводить время. Они все хранят в разных местах. Ведь если бы люди держали все яйца в одной корзине, общество — в его нынешнем виде — функционировало бы очень плохо. Закрылись бы

¹ Баскское национальное блюдо из тунца и овощей.

рестораны, перестали играть оркестры, замолкли поэты, потому что с такой корзиной каждый имел бы в доме всё, что ему необходимо; и тогда что? А?

Что тогда?

Поэтому Абсолютная Любовь всегда была и будет сокрушительной. И опасной. Потому что, если яйца распределить по разным корзинам, тебя может бросить любовник, может умереть твой спутник, отец или повар, ты можешь остаться без любимого дела, но всё же тебе остаётся, на что опереться. А вот если всё хранить в одном месте... Я знала, что тогда я подвергну все яйца большой опасности. Знала, что рискую. Но даже грозящие мне страдания так и не заставили меня отказаться от твёрдого намерения сложить, прошу прощения за такой повтор, все яйца вместе.

И оно того стоило.

И вот — несколько дней назад — взрыв. Теперь стало трудно понять, что будет дальше. Само собой, первое, что приходит на ум любому мастеру слова, когда у него на глазах рушится его дом, это вновь обрести его в словах. Для нас это самое надёжное средство заполнить пустоту. Писать — вот лучший способ узнать, что произойдёт. Пишешь и узнаёшь. Пишешь, и что-то происходит. Начинаешь историю и не знаешь, куда она заведёт. Пишешь именно для того, чтобы узнать, чем она закончится. Или

(будем скромнее) чтобы знать, каков следующий шаг. И я знаю, каким будет мой следующий шаг: говорить о Нём, о жизни с Ним, о жизни без Него. Хотя, конечно, я не единственная, кто это делает. Комета оставил след глубокий и плодотворный. Его друг Д. вчера рассказывал мне о пьесе, на которую Он его вдохновил. Его друг З., бывший ученик, человек незаурядного таланта, присылает мне стихи, посвящённые Ему. Его друг Р. в следующей своей книге расскажет об их детской дружбе. Я расскажу о нём по-своему, предложу ещё один вариант. Свой собственный.

У Кометы был талант музыки. И Ему вовсе не нужно было умирать, чтобы это стало очевидным. Я-то об этом всегда Ему говорила. Ведь Ему, понятное дело, все постоянно твердили про талант писателя, поэтому я, чтобы сказать нечто новое, говорила, что Он был не только писателем, но и музыкой. Он сердился и смеялся. Смеялся и писал. Смеялся и жил. Смеялся и был. Смеялся и пил. Смеялся и выходил из себя. Смеялся и запекал треску на противне. Смеялся и пел «Страсти по Иоанну». Аминь.

Вот так, постоянно меняясь, Он вдохновлял и нас. Конечно, есть такие люди, которые обладают своеобразным талантом литературного персонажа. Они будто ненароком просят тебя рассказать историю, их историю, а у них самих нет желания или времени делать этого, потому что

они, к примеру, заняты другими делами. Скажем, читают стихи незнакомке, слушают друга, который делится своими проблемами, или чистят анчоусы, с такой самоотдачей, что им едва ли хватит сил описать всё это.

И тогда за дело берётся кто-то другой. Сейчас этим займусь я. В эти дни я и не должна заниматься ничем другим. Я пишу о невыносимой боли, настоящей боли, пишу о том, что нужно стереть. На самом деле, слова, что вы читаете, написаны уже поверх стёртых. Вы читаете о том, что уже стёрто. Потому что сама по себе боль ничего не приносит, она обедняет и оглушает. Любой мало-мальски чувствительный читатель легко может представить, какую боль причиняет смерть любимого человека, даже если он сам её не испытал. Лучшее, что можно сделать с этой оглушающей болью, если ты позволил ей прийти, — прогонять её, насколько сможешь. Стирать её до тех пор, пока что-то другое не проступит сильнее. Например, недоумение.

Меня всегда будет удивлять, что любовь не проходит. То, что она сопротивляется совместному быту, рутине, повторению, скуке, привычным жестам, кажется мне чем-то необычным. Так у нас с ним и было, ещё никогда со мной такого не случалось. Отсюда и недоумение. В этом и находится источник силы: недоумение — радостно и продуктивно, оно порождает загадки, которые нужно разгадать. Благодаря ему я пишу и стираю,

выхватывая улыбки из тьмы, этим я занимаюсь понемногу каждый день, совсем по чуть-чуть: книга написана маленькими порциями, будто клавиши бьют током. Пишу не больше часа. Обжигает пальцы.

Чтобы писать, мне нужно навести хоть какой-то порядок. Я назову свои главы А и Б, потому что иначе сразу теряюсь. Мне нравится бороться со своей врождённой неорганизованностью, всё классифицируя и упорядочивая. Поэтому я всегда отвечаю с цифрами и процентами. Или вот письма, например, — их я всегда пишу по пунктам: пункт а, пункт б, пункт в. Знаю, что если хоть немного позволю себе расслабиться, то потеряю счёт времени. Как в машине, когда я никуда не тороплюсь и еду просто так. Обожаю находить цель случайно, по наитию. Наверное, именно поэтому мне так нравится искать, куда бы припарковаться. Это один из лучших моментов дня, особенно если мне нужно оставить машину на узких улицах Барселоны. Но именно теперь, когда Его нет и у меня появилось ещё больше времени, теперь, когда я чувствую, будто всё время в мире стало пустым, наверное, поиски парковки должны захватывать меня ещё больше. Это одно из тех занятий, что не оставляет в голове места для скуки, оно заставляет тебя сконцентрироваться на пешеходах, которые двигаются каждый по-своему: одни хотят поймать такси, высматривая его, заранее спускаясь с тротуара, другие, сняв пиджак, зве-

нят ключами от машины. Это занятие приносит тебе и сиюминутную пользу, и конечное вознаграждение. Рано или поздно ты наконец находишь парковку и чувствуешь, будто достиг чего-то действительно важного и в то же время сложного. Тебе так просто удалось убить время — а что важнее этой задачи? Вот так я и буду его теперь убивать. Мне наверняка ещё больше понравится теряться в городе и на шоссе — всё равно где, главное — теряться, пешком или за рулём, как будто ещё не изобрели ни карт, ни навигаторов, в этом — вся прелесть. Поглядывать, где заходит солнце, тут или там, и двигаться «в правильном направлении», но без чётких ориентиров. Это приводит в отчаяние моих подруг, когда я везу их на машине. «А мы доедем?» — спрашивают они, заметив, что, направляясь от улицы Энрике Гранадоса до площади Франсеска Масия, я решила сделать крюк по Сан Жервази. «До сих пор доезжала», — отвечаю я в надежде, что этот неоспоримый факт наведёт их на размышления. Но боюсь, они всё же не вполне меня понимают.

Как бы то ни было, теперь мне наверняка должно ещё больше понравиться убивать время, разъезжая на машине, буду проводить в ней часы, но пока я не дошла до этого; всего несколько дней назад Он... как это там говорят — «умер»? И я не думаю теряться ни в городе, ни где-либо ещё. Я, наоборот, делаю всё, чтобы перемещаться как можно меньше, провожу весь день

за компьютером; и если мне и нужно выйти, я стараюсь ходить одним и тем же маршрутом. Ни в коем случае не отклоняясь ни на миллиметр, потому что иначе — кто знает... Если я потеряюсь, кто его знает, что может произойти.

Так вот, мне нужно навести порядок в этой дорожной карте слов и не сбиваться с пути, потому что тогда — кто его знает. Элементарный порядок, скажем, главы А, главы Б. В главах А я буду рассказывать о том, как мы познакомились, о нас, о жизни с Ним. В главах Б — о том, как я его лишилась, о жизни без Него. Это также послужит мне нехитрым мнемоническим приёмом (я немного теряюсь в последнее время): А — любовь, А — радость, А — уютно устроиться рядом с Ним. Б — бесчеловечность, Б — жестокость, Б — пустота, Б — возродиться.

Легко запомнить.

Этот порядок, кроме того, будет удобен и для потенциального читателя: он позволяет читать не все главы подряд. Таким образом, человек впечатлительный сможет уберечь себя от безжалостной смерти, боли, от страданий и простых радостей — что, если приглядеться, в целом довольно жестоко; и напротив — тот, кому скучны счастливые любовные истории (счастливые истории всегда грешат некой благостной слащавостью), может пропустить главы А. В связи с этим возникает проблема имён. В главах А, рассказанных от третьего лица, придётся дать

имена персонажам, ведь когда повествование ведётся от третьего лица, персонажей полагается как-то называть. И тут возникает загвоздка. Потому что у нас друг для друга имён не было.

Мы потеряли их, когда познакомились. Это первое, что мы сделали — стали обходиться без имён. Лично я никогда толком не знала, что делать со своим. То, что меня всегда называют одинаково, независимо от времени суток, от настроения, отношения и расположения духа того, кто это имя произносит, и того, к кому оно обращено, всегда казалось мне странным. Более того, мне трудно понять то смирение, с которым многие принимают своё имя. Или их энтузиазм. Потому что есть люди, которые имена постоянно употребляют и даже ими злоупотребляют в том случае, когда они вовсе не нужны. Некоторые, например, обращаются к самим себе по имени, особенно когда себя ругают («И я сказал себе: “Жорди, тебе не стоило этого делать”»). Другие упорно называют своего единственного собеседника по имени, как будто его можно с кем-то перепутать («Мария-Роза, куда ты дела сигареты?»). И если им не ответили, то повторяют вопрос... вместе с именем!

В общем, в неприязни к именам мы с Кометой совпадали. У меня вызывало сопротивление то, что моё имя раз и навсегда зафиксировано и отсортировано мою индивидуальность. Он, в свою очередь, тоже, казалось, избегал называть меня по имени, тем более — по па-